

Колдовские *Миры*

Ли́лия КАСМАСОВА

ЕСЛИ СВЕКРОВЬ – ВЕДЬМА

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К28

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Касмасова, Лилия.

К28 Если свекровь — ведьма / Лилия Касмасова. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 448 с.

ISBN 978-5-699-83926-1

Жизнь Вики Пешкиной вроде бы хороша – любимый Миша, работа, намечается свадьба. Но все становится с ног на голову, когда жених открывает семейную тайну. Женщины в его роду – ведьмы! Причем не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. И все бы ничего, да вот будущая свекровь не рада невестке-простушке. Волшебные страсти накаляются, жениха охмуряет соперница – и как с этим справиться? Но счастье есть, его не может не быть, пусть и дорога к нему полна сюрпризов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83926-1

© Касмасова Л., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

«Дорогие Михаил и Виктория!

Приглашаю вас на семейный обед, который состоится 14 сентября, в субботу, в 4 часа дня.

Место проведения: «Золотые тополя».

Дресс-код: все, что душе угодно.

С уважением и любовью,
Далия Георгиевна Реймс».

Реймс — фамилия моего Миши. Кто эта Далия Георгиевна?

Миша не хочет ничего рассказывать о своих родственниках. Мы знакомы целый год и уже полгода живем вместе, а я даже не знаю, как зовут его родителей, не говоря уже о каких-нибудь тетюшках-дядюшках.

Приглашение было написано пером, черными чернилами, на картонке сливочного цвета с золотым узором. Белый конверт — соответствующий: тисненые цветы, витиевато, тем же почерком с завитушками, написанный адрес, на большой марке — маргаритки.

Придет Миша с работы, покажу приглашение, и он будет вынужден хоть что-нибудь, да рассказать.

А вдруг он разорвет открытку на кусочки и выбросит? Хорошо еще, что я сегодня дома и посыльный отдал приглашение мне.

Лучше пока спрячу конверт и спрошу, кто такая Далия Георгиевна...

Интересно, что за семейный обед такой? И почему на него так официально приглашают? Я понимаю — свадьба, юбилей, выигрыш в лотерею...

Я снова взглянула на приглашение. Никаких намеков на то, в честь чего обед, не было — ни в тексте, ни в оформлении.

Я собиралась огоршить Мишу всякими вопросами, но Миша сам меня огоршил. Одним-единственным вопросом.

Миша зашел, разулся, взял меня за руку и утянул в зал. А там вдруг опустился на колено и спросил:

— Выйдешь за меня, Вик?

— Чего?

— Замуж, — сказал он, нахмурив брови.

— С чего это вдруг? — Нет, я люблю Мишу и хочу провести с ним всю жизнь, и планы уже строила насчет свадьбы, и даже когда покупала на той неделе кроссовки, то... ну, не важно.

— Почему «вдруг»? — переспросил за мной Миша.

— Почему сегодня?

— Сегодня... Да так получилось. И день хороший, подходящий. Пятница, тринадцатое, — произнес он.

А, шуточки. У программистов, мне кажется, странное чувство юмора. Половину Мишиных шуток я не понимаю и смеюсь, только чтобы его не обидеть.

Эх. Мне казалось, предложение руки и сердца будет более... романтичным. Ну, знаете, ресторан, скрипки, розы и все такое... И вообще, разве он не должен сначала сказать, что любит меня и жизни без

меня не представляет? А уж потом просить руки... И к тому же...

— А кольцо? — спросила я.

— Так ты согласна или нет? — с досадой произнес он.

— Ну... согласна, — сказала я. Как-то все не возвышенно вышло. Надо было мне растрогаться, что ли. Руками там всплеснуть. Завизжать от радости. А может, еще не поздно?

— Тогда... — он вытащил из внутреннего кармана узкую и длинную красную бархатную коробочку. В таких не дарят кольца. В таких бывают авторучки. Он мне авторучку, что ли, в честь помолвки подарит? А может, в ювелирном просто коробочки для колец закончились?

Но кольца там не оказалось. Авторучки, к счастью, тоже.

На черном бархате лежал браслет. Миша взял его, обернул вокруг моего левого запястья и застегнул. Скромный, симпатичный браслет из плоских квадратов — золоченых снизу, эмалевых снаружи. На каждом квадрате был изображен цветок: роза, василек, ромашка, мальва...

— Симпатичный, — сказала я.

— Он золотой и старинный, — слегка обиженным тоном сказал Миша, поднимаясь. — И стоит целое состояние.

— Ну да, — не поверила я.

— Может быть, не меньше, чем эта квартирка, — лукаво сказал он.

Опять его программистские шутки.

— Теперь ты моя невеста, — сказал он.

— Да, — я улыбнулась. И спрашивать, почему не кольцо, было в этот момент как-то неудобно. В конце концов, какая разница, кольцо, браслет. Главное, суть.

Невеста. Тили-тили-тесто.

— У меня для тебя тоже небольшой сюрприз, — сказала я. Из-за этого трепыхания я позабыла о хитростях и просто принесла приглашение. — Нас зовут на обед.

— Кто? — Он заинтересованно взял открытку.

— Похоже, твоя родственница.

— Мама! — сказал он.

Это такое испуганное восклицание или нас и правда его мама приглашает? Я забрала у него картонку:

— Далия Георгиевна — твоя мама?

— Да. — Он озадаченно почесал макушку.

— И мы пойдем? — Я спрятала приглашение за спину.

— А тебе бы хотелось? — неуверенным голосом спросил он.

— Конечно! — Я подпрыгнула от радости и даже в ладоши хлопнула.

Пожалуй, вот так следовало бы принять предложение руки и сердца. Но тут ведь другое дело. Год умалчиваний и жгучего любопытства! И вот я их увижу, его родственников!

— У меня как раз завтра выходной, — радостно сказала я.

— Ну, ты вообще могла бы уволиться, — сказал Миша.

— Почему это?

— Женщины в нашей семье не работают кассиршами. Мы тебе что-нибудь получше подыщем.

Шутит опять?

— Директором художественной галереи, например? — поддержала я его шутку. Видела я в американском кино девушку — директора галереи. Ходи себе, полотна рассматривай, собирай тусовки и слушай комплименты, какой у тебя вкус замечательный.

— Почему бы нет? — усмехнулся он.

Да ну его с его дурацкими шутками. Я перевела тему:

— А что это за обед? День рождения у кого-то?

— Н-нет, насколько я помню.

— А ты помнишь дни рождения своих? — Может, он с ними уже сто лет не виделся и позабыл.

— Разумеется помню, — сказал Миша. — То есть у всех-то не упомнишь... Но это же мама приглашает.

— А что, у тебя много родни?

— Достаточно. — Миша ослабил галстук и подошел к шифоньеру, чтобы переодеться в домашнее.

— А кто из них там будет? Кстати, где этот ресторан? — Я присела на подлокотник кресла.

— Откуда мне знать, кто будет, — отозвался Миша из-за дверцы шкафа. — Почему ресторан?

— «Золотые тополя», — сказала я.

— Наше поместье так называется.

— Поместье?

— Ну, наш дом на Клязьме.

— Большой дом? — Ведь никто не назовет маленький домишко поместьем?

— Двухэтажный.

— Они у тебя богатые, твои родители? Поэтому ты не хотел о них ничего рассказывать? — И тут до меня вдруг дошло: — Ты думал, меня заинтересуют деньги, а не ты сам?!

— Вовсе нет! Сдурела, что ли?

— Тогда почему?

Ах, ты молчишь? Очень занят напояливанием на себя футболки! Значит, я угадала, дело в деньгах? Да за кого он меня принимает?!

Я ушла на кухню, поставила чайник на газ.

Да, конечно, за аренду квартиры платит Миша. Но ведь и зарабатывает он больше меня раз в пять.

И браслет этот дурацкий! Я стала его расстегивать, но застежка не поддавалась.

На кухню зашел Миша.

— Тут застежка неудобная, — сказала я. — Не расстегивается. И почему браслет, а не кольцо?!

Он подошел, взял меня за руку:

— Не расстегивай. Потому что у нас так принято.

— У кого это — у вас? — подняла я на него глаза.

Он замялся:

— В нашей семье. И браслет фамильная драгоценность, бабуля мне дала. Для тебя.

— Да? — Теперь я заметила, что браслет и правда не новый, эмаль местами поцарапана.

— Моя семья, они — не обычные люди, — сказал Миша. — Моя мама... — он слегка запнулся, потом договорил: — ...ведьма.

Я ожидала чего угодно, любой информации о его семье (среди версий значились убийства в трех поколениях из-за наследства, а также гены, из-за которых некоторые члены семьи имеют хвост). Но чтобы прятать семью от меня всего лишь из-за дурного нрава его матушки! Это уж слишком!

— Слушай, — сказала я, — может, она у тебя и не подарок, но с твоей стороны обзывать ее так, знаешь, нехорошо...

Брови Миши поползли вверх, и он вдруг расхохотался.

— Ты чего? — не поняла я.

— Она правда ведьма, — сказал он, продолжая смеяться, — самая настоящая.

— Ну да-а, — кисло протянула я. Снова его не смешные шутки.

— Прислушайся к браслету.

— Что?

— Будто шелест, слышишь?

Я приложила браслет к уху. Нет, ничего не слышится. Хотя... может быть, и слышится.

— Да это чайник шумит, — сказала я.

Миша выключил газ:

— А теперь?

Ну, вроде бы шелестит.

— Там что-то в пластинках внутри? — спросила я.

— Нет, — покачал головой Миша. — На самом деле это не шелест, браслет произносит нашу фамилию, «Реймс».

Я снова послушала — нет, он меня дурачит! Шелест и шелест, но ничего похожего на слово «Реймс».

— Услышать могут только ведьмы или сыновья ведьм, — сказал Миша.

— Ну да, ха-ха, смешно, — сказала я, скривившись.

— Идем. — Он взял меня за руку и потащил за собой в зал.

Открыл шкаф, достал с полки свой серый свитер домашней вязки и подал мне:

— Пощупай.

Я не понимала, чего он хочет, но свитер взяла. Приятный, мягкий, теплый.

— Чувствуешь? — спросил Миша.

— Что?

— Он теплый.

Свитер был и вправду точно с батареи сняли.

— Бабуля связала, — сказал Миша. — И слегка заколдовала, чтобы он всегда меня согревал.

Я хмыкнула. Заглянула в шкаф — ни грелки, ни утюга какого-нибудь там не обнаружилось.

— Погоди, так бабушка твоя тоже, что ли... — Не то чтобы я поверила полностью, но мне всегда хотелось, чтобы такие вещи существовали: ну, волшебство, магия...

— Бабушка, и тети, и двоюродные сестры... Все женщины в семье, — и он добавил чуть тише: — И жены моих братьев тоже.

Тут мысли мои вдруг переключились на другое.

— Значит, я не вписываюсь?

— Не вписываешься? — сказал он, будто бы не понимая. Но глаза опустил.

— Ну, все женщины ведьмы, и жены твоих братьев тоже... У тебя сколько братьев, кстати?

— Двое.

— Ну вот, а я просто человек.

— А мне бы и не хотелось, чтобы моя жена была ведьмой.

— Правда? — улыбнулась я.

Он сгреб меня в объятия:

— Ты бы колдовала, была бы могущественной, делала бы все, что захотела...

Мне прям захотелось быть ведьмой, честное слово. Но Миша продолжил:

— А я? Я был бы вроде твоего верного глупого пса.

— То есть ваши мужчины, они...

— Они обычные люди, — сказал Миша. — Жены вертят ими как хотят. А мне бы хотелось равноправных отношений.

А теперь мне очень даже нравилось, что я просто человек.

После его слов о равноправных отношениях я почему-то полностью поверила, что ведьмы существуют.

— А мы сообщим твоей семье, что собираемся пожениться? — спросила я.

— Само собой! — сказал Миша.

Я представила, как Миша скажет: «А это моя невеста — Вика», и все кинутся меня целовать в щеки, об-

нимать, будут поздравлять нас и поднимать за нас тосты на этом званом семейном обеде.

— А если спросят, когда свадьба? — обеспокоилась я. Месяца два-три на подготовку, пожалуй, хватит.

— К Новому году? — спросил Миша.

— Да, — покивала я. Можно будет подобрать прелестную белую шубку из пушистого искусственного меха. И весь город будет нарядный и сияющий, будто нарочно для нас.

Весь вечер я выбирала одежду. Спросила Мишу, что могут значить слова «все, что душе угодно», он ответил:

— Все, что душе угодно.

Шуточки ему. А я еду с родителями жениха знакомиться! Надо выглядеть милой, скромной, но в то же время и не серым воробышком — а то решат, что Миша мог бы найти кого и повиднее.

Вопрос первый — платье или брюки? Платье, конечно, и наряднее, и женственнее. В ушах звучали слова мамы: «Викуля, ты же девочка! Снова эти дражные штаны! Тебя воспитательница в группу не пустит!» (Ах, какие это были чудесные розовые джински с цветочками! До сих пор ищу похожие!)

Наверное, все матери ждут, что их сыновья придут с невестой, одетой в симпатичное платьице длиной чуть ниже колена, в мелкую клеточку и с расклешенной юбкой, или вот в это скромное мини, бледно-розовое в узорах. Надеть туфли, трикотажную кофту, и я буду вся такая романтическая, нежная, как героиня старых фильмов. Я им определенно понравлюсь. И я решительно вытащила из шкафа вешалку с розовым платьем.

Но с другой стороны — что такое поместье? Это пастбища, поля и леса. Ну, мне так кажется. А в чем

люди ходят на пастбищах? Мне вспомнились почему-то американские киношные ранчо, где обитают лихие ковбои в джинсах и кожаных жилетках. Джинсы! В них можно лазать по холмам и долинам, прыгать, бегать и спокойно перемахивать через изгороди. Ведь после обеда мы наверняка отправимся на прогулку!

Хороша же я буду в своих коротеньких миленьких платьицах, цепляющихся за колючий кустарник, и в туфлях, увязающих в земле!

Я вернула платье в шкаф и вытащила оттуда свои любимые темно-синие джинсы. Романтизирую их блузкой в мелкий цветочек, а для тепла возьму... пожалуй, кофту, которую сама связала из остатков разных шерстяных ниток.

Бабуля Миши тоже вяжет, да и мама, наверное. Они увидят, что я вписываюсь в их семью, как родная. И к тому же заметят, что я творческая натура.

И кроссовки, разумеется. Белые. Совершенно белые. В магазине было полно белых со всякими синими и черными полосками, но я увидела эти и поняла, что могу их надеть даже со свадебным платьем. Это было бы оригинально и очень удобно! Стоять весь день, принимать поздравления, танцевать, участвовать в конкурсах, которые придумывают ведущие свадеб — все это можно выдержать только в кроссовках!

Потом я вспомнила, что половина Мишиной семьи — вовсе не обычные люди. Я спросила его, ведь мы одеваются по-другому, чем мы? Он оторвался на миг от журнала про компьютеры, наморщил лоб и сказал:

— Да вроде бы нет.

Ох уж эти мужчины! Им совершенно плевать на одежду!

— Может, они носят все черное? — Мне вспомнилась семейка Адамс.

— Вот это уж точно нет, — прозвучало из-за журнала.

Ага, значит, совсем наоборот — цветное. Уж чего-чего, а цвета в моем наряде будет предостаточно. Особенно если станет прохладно и я надену кофту.

Коробка с белыми свадебными кроссовками была на шкафу. Я не хотела их носить до свадьбы, но завтра же особенный повод.

Я поставила к шкафу стул и залезла на него. Коробка была далеко, я могла достать до нее только кончиками пальцев. Да кто ж ее так далеко засунул?! А, ну да, помнится, летом я убирала на шкаф пакет с зимней курткой. Пакет, видимо, толкнул коробку.

Я встала на цыпочки, потянувшись, и вот уже, почти... Рука моя скользнула по коробке...

— Хотя, да, вспомнил, тетя Орхидея одевается во все черное, — произнес Миша.

— Почему? — Я попыталась взглянуть на него из-под руки, потеряла равновесие, зашаталась и как-то неудачно спрыгнула на пол, вскрикнув: — А-а!

Нога! Ох, как же больно!

Сверху с шуршанием свалились коробка и пакет с курткой. Хорошо, что не на голову.

Миша вскочил с дивана, подбежал ко мне:

— Ты чего?

— Все нормально. — Я плюхнулась на стул. — Так почему?

— Что почему?

— Почему она носит черное? — Я ощупывала левую лодыжку.

— Кажется, потому что черный стройнит, — озадаченно произнес Миша. — Что с ногой?

Я попробовала повертеть стопой. Ой, ой!